

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

ВЕЧНЫЙ
ДОЗОР

Сергей Лукьяненко
Вечный дозор
Серия «Дозоры», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42671123

Аннотация

Вашему вниманию представлен фрагмент книги.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	33

Сергей Лукьяненко

Вечный дозор

Пролог

Очень долго, ещё с советских времён, здесь была кулинария. Работали в ней две женщины, работали всегда, сколько я себя помню, работали в будни и выходные, будто даже и в отпуск не уходили. В старых гроыхающих холодильных витринах, под помаргивающими лампами дневного света лежали салаты – вначале в эмалированных корытцах, потом в пластиковых контейнерах. Салаты женщины делали сами, в закутке за торговым залом. Всегда можно было попросить сделать какой-нибудь особый салат к празднику, добавить побольше мяса или поменьше майонеза. Впрочем и стандартный ассортимент был вкусным. Вот выпечка была привозная и не всегда удачная, хотя пирожки с капустой я любил.

Помимо салатов и выпечки магазинчик продавал мясные полуфабрикаты (можно было купить и кусок сырого мяса), соки и воды, овощи и фрукты. Картошка и лук лежали в контейнере у самого входа, помидоры и огурцы в холодильнике. Не было только алкоголя, никакого, даже пива. Кажется, у продавщиц были с выпивкой какие-то свои счёты, на пред-

ложение начать продавать хотя бы пиво они лишь улыбались и отсылали в соседний магазин. За тремя высокими столиками у окна почти всегда кто-то ел – салат из контейнера, котлету по-киевски, бутерброды с толсто нарезанной колбасой. Здесь любили перекусить менты из патрульно-постовой службы, а они всегда знают, где в окрестностях можно поесть безопасно, вкусно и недорого.

А потом, буквально в несколько дней, лица женщин помрачнели, они распродали все товары в полцены и исчезли – уступив место магазину из быстрорастущей торговой сети шаговой доступности «Розовое».

Здесь тоже можно было купить картошку или яйца. Но основной товар «Розового» продавался в стеклянных бутылках и жестяных банках. В отличие от кулинария они могли оплачивать подорожавшую в кризис московскую аренду.

Я стоял у плотно набитого винными бутылками шкафа и размышлял. Молодой продавец по имени Бекзод, давно уже здоровающийся со мной за руку, наблюдал за мной краем глаза. Он знал, что я не люблю советы, но искренне хотел облегчить мой выбор.

Впрочем, его свойственный узбекам торговый талант не остался без применения.

– Скажите, а какое бы вино посоветовали? – поинтересовался прилично, но небогато одетый мужчина средних лет. В руках у него был старенький портфель, делающий его похожим на преподавателя. – Мне в подарок, я сам не очень

разбираюсь, я больше крепкое...

– Красное, белое, розовое? Сухое, сладкое? – обрадовался Бекзот.

– Да я даже не знаю, но человек в вине разбирается, надо хорошую бутылочку подарить...

– Ценовой диапазон?

– Ну... до тысячи...

– Портвейн есть хороший, «Массандра». Сладкий, вкусный!

Я вздохнул и повернулся к покупателю. Сказал:

– Добрый день. Могу я дать вам совет?

Мужчина окинул меня оценивающим взглядом, приободрился и кивнул.

– Вот, смотрите, – я снял с полки бутылку. – Восемьсот рублей. Это цена по акции, обычно дороже. За эти деньги вы купите замечательный новозеландский Совиньон Блан. Новозеландский Совиньон уникален, он обладает характерным, незабываемым цветочным вкусом, лёгким, ароматным, с нотками черносмородинового листа, крыжовника, цитрусовых.

– Это всё туда добавляют? – неловко спросил мужчина.

Я улыбнулся.

– Ну что вы. Только виноград. Но Совиньон – терруарное вино, его характер зависит от местности. Особенность новозеландских, да ещё и из региона Мальборо – именно такой, свежий и хрустящий вкус. Ничего лучшего за эти деньги вы

в Москве не купите. Если человек разбирается, то он будет рад.

– Спасибо, – расплывшись в улыбке мужчина взял из моих рук бутылку и протянул продавцу.

– Мою скидку ему пробей, – попросил я. – Дать карточку?

Бекзот махнул рукой и пробил вино со скидкой.

– Спасибо огромное! – воскликнул мужчина, бережно пряча бутылку в портфель. – Выручили! Повезло мне попасть на знатока!

– Да не за что, – ответил я любезно. – Бекзот, дорогой, мне как обычно – бутылочку водки подешевле. Но только чтобы не палёная была! И сырок плавленый, «Дружба».

Засунув бутылку водку и сырок в карман куртки, я вышел из магазина, оставив покупателя в полном замешательстве посреди торгового зала.

Уже стемнело. Осень в этом году выдалась тёплая и долгая, но бабьему лету всё-таки подходил конец. Ещё день-два – и температура переползёт через ноль.

Хорошо, когда прохладно. Когда ноль – так просто замечательно.

А что делать, когда слишком жарко? Ничего. От жары не спрячешься, особенно, если жар в тебе.

Я стал спускаться с невысокого крыльца, придерживая рукой оттопыривающийся карман.

– Антон Сергеевич! – окликнули меня от дверей магазина.

Странно. Голос не Бекзота и не покупателя, а больше в

магазинчике никого и не было.

Хотя точнее будет сказать, что я никого не видел.

Сойдя с последней ступеньки я обернулся.

У дверей, в розовом свете вывески, стоял молодой, немного за двадцать, парень. Лицо было мне незнакомо. В руке парень держал банку пива.

– Слушаю вас, – сказал я.

– Антон Сергеевич, вы меня не узнаете?

Я покачал головой.

– Мы давно виделись. Пятнадцать лет назад.

Я присмотрелся к парню повнимательнее. Тот тем временем спустился, остановился рядом, неловко переминаясь с ноги на ногу. Обычный молодой парень. Джинсы, куртка, высокие ботинки – молодёжь такие любит, на голове берет – это необычно, но не более того. Лицо самое заурядное, с лёгкой щетиной. Не бреется, а стрижётся триммером, хотя и очень коротко.

– Если ты выглядишь на свой возраст... – сказал я. – Да.

Я знаю кто ты.

– Вы меня узнали? – искренне порадовался парень.

– Нет, конечно. Дети в десять лет обычно не похожи на себя взрослых.

Я повернулся и пошёл по переулку. Парень двинулся рядом, молча, и это мне понравилось.

– Любопытно? – спросил я через минуту.

– Ага, – очень непосредственно ответил парень.

– В магазине я тебя не видел, но ты вышел вслед за мной. Значит, либо отводил глаза, что умеют вампиры и оборотни, либо прятался под заклинанием, что умеют маги, либо был в Сумраке, что свойственно всем Иным. В любом случае ты – Иной.

– Здорово! – обрадовался парень. – А дальше?

– От тебя ничем не пахнет. Совершенно. Никаких одеколонов. И ты не бреешься, а стрижёшься, вероятно, чтобы не пользоваться даже кремом после бритья. Это очень характерное поведение для оборотня.

– Вампиры тоже не любят бриться, – осторожно сказал парень. – Не знаю правда, почему.

– В зеркалах не отражаются, – пошутил я. – А если серьёзно – им неприятно прикосновение острого металла. Это скорее психологическое явление, но оно существует. Однако вампиром ты не являешься, ты украл в магазине пиво, а вампиры не переносят алкоголь. Пиво их не убьёт, конечно, но пить его вампиру смысла нет.

– Я не украл, – кажется, парень покраснел.

– Ага, позаимствовал. Потом деньги занесёшь... Не бойся, мораль читать не стану, в Дозор сообщать тоже... Итак, у нас есть молодой оборотень, которого я знал пятнадцать лет назад. Это сильно сужает выбор. Подмосковье, детский лагерь, вожатый Игорь, инициировавший когда-то трёх детей, больных лейкемией... Игорь жив?

– Жив! – обрадовался парень.

– Он был из Сергиева Посада, – продолжал я. – Один из мальчишек тоже оттуда, не помню, как его звали...

– Петя.

– Оборотни не любят менять место жительства. Так что Петя, наверное, там и живёт. А второго мальчика звали Антон, как меня. Наверное, это ты и есть.

– Правильно, – парень рассмеялся. – Я ваш тёзка. Здорово вы всё разложили!

На лесть даже Иные слабы, что уж говорить о людях. Мне было очень приятно.

– Ладно, рассказывай, зачем меня караулил, – сказал я. Мы остановились перед перекрёстком, как раз загорелся красный свет, а он здесь долгий. – Мне к себе идти пять минут, а домой я тебя не приглашу, уж извини.

– Да я и подойти не смогу, – обиженно сказал Антон. – У вас знаете сколько амулетов и заклинаний на доме навешано?

– Знаю, – ответил я.

– А на вас я ничего не чую, – признался оборотень. – То есть я понимаю, что на вас дофига всего есть, но у меня силы не хватает почувствовать.

– Давай, давай, спрашивай, – сказал я. – Ты хочешь спросить, как погибла Галя?

Парень помрачнел. Неохотно сказал:

– Нет. Я знаю, как она погибла. Спасала вас. Она в вас влюблена была немножко.

– Не без того, – признал я. – Ну так зачем меня искал? Насколько я знаю, ко мне не рекомендовано приближаться, тем более в Сумраке.

– Это рекомендация, а не приказ, – пояснил Антон. Загорелся зелёный свет, мы перешли улицу. – И вы не думайте, я... в общем, я знаю, что вы нас всех спасли пять лет назад. И Светлых, и Тёмных. Нас спасли, а сами лишились магической силы. Мы все вам обязаны.

– Верно, – подтвердил я. – Начисто. Благодарности принимаются, комплименты приветствуются. Я герой.

– Я вам хочу помочь, – тихо сказал парень.

Я остановился и с любопытством посмотрел на него.

– Несправедливо, что вы стали обычным человеком, – упрямо сказал мой тёзка. – Вы были хорошим Иным, хоть и Светлым. И к нам, низшим, хорошо относились. Без предвзятости. И это неправильно, что вы теперь...

– Бухаю водку? – спросил я.

– Старитесь, – тихо сказал парень. – Живёте короткую и пустую человеческую жизнь.

Я развёл руками. Осторожно, чтобы бутылка из кармана не выпала.

– Ты вроде сам сказал, что мне все обязаны. Все – это Ночной и Дневной Дозоры, причём не только московские. А также пресветлый Гесер. И претёмный Завулон.

То, что глава Дневного Дозора – мой дедушка, я говорить не стал. Ещё хлопнется в обморок или убежит, перекинув-

шись в волка посреди Москвы.

– Ещё моя жена – Высшая Иная, – сказал я. – А моя дочь – Абсолютная Волшебница. Как ты думаешь, если бы существовала возможность вернуть мне способности Иного, остался бы я человеком?

Антон явно колебался. Потом сказал:

– Это мне не по рангу, но так случилось, я знаю... про «Фуаран».

– Да, – кивнул я. – Книга, написанная безумной волшебницей Фуаран. Содержащая единственный способ превращения человека в Иного. Я как-то попал под это заклинание, поднял уровень. Беда в том, что потом книга сгорела.

– Я знаю, что её восстановили, – тихо сказал Антон. – Одна девочка-маг, у неё особые способности...

А вот это ему точно было не по рангу знать.

Но у оборотней – свои тайны и свои отношения. В закрытом интернате, где случилась та история, были разные Иные. В том числе и оборотни. На каждый роток не накинешь платок, особенно если этот роток – огромная зубастая волчья пасть.

– Не работает, – коротко сказал я.

Антон смотрел на меня и упрямо ждал уточнений. Я вздохнул. Кивнул на пустую трамвайную остановку. Парень понял, мы прошли к остановке, уселись рядом на скамейке. Вполне мирная картина, то ли двое запоздалых прохожих, то ли отец с сыном. Молодой оборотень с хлопком открыл

банку, глотнул пива и выжидающе посмотрел на меня.

Молодец парень. Умеет слушать. Не каждому такое дано.

– Ты знаешь, как устроен мир? – спросил я доверительным тоном. Достал из кармана перочинный нож, сырок, развернул его, нарезал на ломтики и положил на скамейку между нами. – Угощайся, кстати.

– Спасибо, – взяв ломтик плавленого сыра вежливо ответил Антон. – Да, знаю, я учусь в МГУ на физмате.

– Ух ты! – искренне порадовался я. – Хочешь докопаться до сути всего? Одобряю.

Открыв бутылку водки я плеснул чуть-чуть на ладони, растёр, понюхал. Сивухой не пахло, водка была приличная. Антон болезненно поморщился, глядя на меня.

– Но я о другом. О нашем мире, мире Иных.

– В общих чертах, – осторожно сказал Антон.

Какие нынче оборотни пошли культурные! Просто удивительно, как похорошела Москва при Собянине!

– Если в общих чертах, – сказал я, – то всё живое, а в особенности разумное, то есть люди, имеет некую «магическую температуру». Мы, люди...

У парня опять дрогнуло лицо.

– Мы, люди, имеем некую среднюю температуру, назовём её условно «тридцать шесть и шесть». Это магическое тепло изливается в пространство. Если у одного человека «тридцать шесть и шесть», а у другого «тридцать шесть и пять», то возникает небольшой градиент энергий, магическая сила

начинает в человека вливаться и он, при определённых условиях, может ей манипулировать. Конечно, на одной десятой градуса особенных чудес не сотворить. Но какие-то догадки, какие-то предвиденья, какие-то мелкие чудеса и тут возможны. А вот если магическая температура у человека значительно ниже нормы, допустим – тридцать пять, ты мы называем такого человека... Как называем?

Я сделал маленький глоток. Водка обожгла горло. Я проглотил горячий комок, заел сырком.

– Называем «Иным», – тихо сказал Антон.

– Верно. Иным седьмого уровня. Если эта температура ещё ниже, допустим тридцать... никто всерьёз градацией не занимался, приборов у нас таких нет, видишь ли, может ты придумашь... То будет у нас Иной шестого уровня. Или пятого. Будет он произвольно сосать энергию у всех встречных-поперечных, как вампир кровушку. И научится творить чудеса, проходить на иные уровни реальности. Как-то так. Высшие Иные – у них температура градуса два-три. А у моей дочки – ноль целых ноль десятых. Ясно?

– Ясно.

– Книжка «Фуаран» не приводит температуру к какой-то определённой величине. Она её понижает градусов на десять-пятнадцать. Понимаешь? Человек становится Иным. Средненьким Иным. А Иной высокого уровня может даже стать Высшим. Понятно?

Парень снова кивнул.

– Процесс нельзя повторять бесконечно, – добавил я. – Эффект слабеет, будто организм адаптируется к воздействию. Так вот, мой дорогой юный друг. Моя магическая температура слишком высока. Этим волшебным аспирином её не сбить.

– Сколько? – хмуро спросил Антон.

– Нечем измерить. Может сто. Может тысяча. Может миллион. Ты это сам-то чувствуешь?

Оборотень кивнул:

– Я какой-то взбудораженный рядом с вами. Кажется, могу горы свернуть.

– Это ещё ничего, – подбодрил я его. – Ты оборотень, у вас всё несколько сложнее устроено. Маги просто дуреют при длительном общении. И чем сильнее маг, тем ему тяжелее.

– Поэтому вы живёте один? – прямо спросил Антон.

Я кивнул.

– Да. Поэтому.

Мы помолчали. Я сделал ещё один маленький глоток, закрыл бутылку и поставил на скамейку. Сказал:

– До утра подберут. Я думаю, все местные бездомные знают, что здесь порой оставляют дешёвую, но хорошую водку.

– Так вы не собирались всю бутылку выпивать? – обрадовался парень.

– Да ты что! Я же человек, мне пить вредно. Ну, спасибо тебе за беседу, всегда приятно поговорить с хорошим законопослушным Тёмным...

– Антон Сергеевич, позвольте мне вас укусить! – выпалил парень.

Я расхохотался. На самом деле я с самого начала догадывался, с чем он пришёл.

– Ты думаешь, что сможешь меня обратить?

– Вам даже не обязательно Тёмным становиться, – умоляюще сказал Антон. – Будете Светлым оборотнем. Перевертышем, как они себя называют. Несправедливо, что вы... так...

Я задумчиво почесал себя пальцем по шее – там, где едва-едва угадывались два рубчика от вампирских клыков.

– И это не поможет, Антошка. Меня не обратит ни укус вампира, ни укус оборотня. Я слишком горячий.

– Вы пробовали, – пробормотал мой тёзка. – Так вы уже пробовали!

– Пробуют суп из кастрюли, – сказал я. Встал. – Спасибо, на самом деле – огромное тебе спасибо! Ты хороший парень. Постарайся не жрать людей, ладно?

Я похлопал его по плечу и пошёл к дому.

Мой юный Тёмный тёзка остался сидеть на остановке, ссутулившись и держа в руках банку. Огорчительно, да. Понимаю.

Живу я сейчас в однокомнатной квартире в доме напротив прежнего. Квартиру мне дали от щедрот обоих Дозоров. Предлагали дом за городом, потом нормальную трёхкомнатную в элитном доме рядом с прежним жильём. Но я упёрся

как баран и выбрал самую простую и маленькую однушку, из окна которой видны окна прежней квартиры.

Гесер считает, что это проявление свойственного мне альтруизма. Завулон прямо сказал, что это доказательство моей глупости.

Но всё гораздо проще.

Любая нормальная квартира была бы признанием того, что моё нынешнее состояние – навсегда. И я говорю не о том, что я теперь человек, с этим-то я смирился, это и впрямь навсегда, до самой смерти.

Беда в том, как я и сказал славному молодому оборотню, что я слишком горячий. С одной стороны я источник Силы для жены и дочери. Но Силы в городе и так много. В какой-то момент я понял, что они захлёбываются в сочащейся из меня энергии. Это словно общаться с человеком, страдающим биполярным расстройством, когда он в маниакальной фазе. Вначале общение захватывает. Перед тобой остроумный энергичный собеседник, который всё время что-то говорит, придумывает, хватается за тысячу дел сразу и как ни странно часть из них доводит до конца. Это даже интересно первые два-три дня. Потом устаёшь.

Когда я понял, что Светлану и Надю обжигает идущая от меня энергия – я стал жить отдельно. Очень надеюсь, что это временно, что либо моя температура упадёт, либо они приспособятся.

Температура не упала и я уже понял, что она никогда не

упадёт.

Приспособиться они тоже не смогли.

Так что теперь я – воскресный папа. Я прихожу к ним вечером в субботу и ухожу вечером в воскресенье. Это мои девочки способны выдержать. Если прихожу вечером в пятницу, то к воскресенью они уже на взводе. Мы проверяли, экспериментировали и поняли, что сутки в неделю – это максимум дозволенного.

На самом деле не так уж и плохо, если сравнивать с альтернативой, в которой я мёртв. Верно?

И квартира хоть и маленькая, но хорошо отремонтированная, в ней есть всё, что мне нужно. Огромный телевизор, чтобы смотреть сериалы – пока я был Иным, эта бурно расцветшая часть человеческой культуры проходила мимо меня. Прекрасный компьютер. Хорошо оборудованная кухня, на самом деле я люблю готовить. Большая кровать. Даже слишком большая для меня. Светлана как-то сказала, что если ко мне будут приходить человеческие женщины, она поймёт и не будет против. Она вообще очень откровенная, моя жена.

Но единственная женщина, которая ко мне приходит, это пожилая тётенька из клининговой компании. Привлекательности в ней ровно столько же, сколько в швабре, которую она напоминает сложением. Ещё она курит на балконе и ругается матом, если думает, что я её не слышу.

Я повесил куртку в прихожей, умылся, прошёл на кухню.

Достал из холодильника стейк, вскрыл упаковку, положил на тарелку согреться. Включил телевизор на канал, по которому через полчаса начнётся «Теория Большого Взрыва». Подошёл к окну.

Посмотрел на окна – свои прежние окна. У дочери окно было тёмным, ну понятно, время ещё детское, а она уже взрослая. У неё есть парень, хороший парень, признаю честно, к тому же Иной, настоящий Пророк, а это редкость. Может быть в кино пошли. Или на концерт.

Или к нему домой.

В гостиной окно светилось, значит, Светлана дома. Если бы я был Иным, она бы сейчас почувствовала мой взгляд.

К сожалению я человек. Впрочем, я ещё и на диво горячий мужчина. Может быть она почувствует поток Силы?

Я постоял пару минут, но знакомого силуэта в окне не увидел.

Ну и ладно. Попозже созвонимся. Сегодня четверг, через два дня у меня будет приятный вечер в кругу семьи. Надеюсь, Надя тоже будет дома. Папа для неё давно уже не самый важный в жизни мужчина, но она хорошая дочь...

Я двинулся на кухню. Потрогал стейк – что ж, можно приступать к приготовлению.

Вот я сейчас достану большую и правильную сковородку из сверкающей нержавеющей стали, тяжёлую, всю в пупырышках для красивого рельефа на стейке. Сковородка немецкая, дорогая, но я же герой Дозоров, я почётный пен-

сионер, мне экономить нет нужды, мог бы не дешёвую водку покупать, а односолодовый виски. Масла на такую сковородку можно вообще не лить, но я самую капельку капну. Поставлю на мощную индукционную горелку и включу полную мощность.

А стейк я чуть-чуть обсушу бумажным полотенцем и секунд через тридцать бухну на сковороду. И жарить буду по три минуты с каждой стороны, чтобы он получился с кровью, «медиум рэйр», даже молодой оборотень слопал бы его с восторгом...

В дверь позвонили.

Я вздохнул, выключил плиту и пошёл к двери, вытирая на ходу руки полотенцем. Глянул в глазок.

Пожилой мужчина и юная девица. Мужчине за полтинник, постарше меня будет, девице и двадцати нет. Мужчина немного обрюзгший, почти лысый, только над ушами какие-то жалкие пряди волос, но выглядит всё равно солидно. Вот только как-то смущённо держится. Девушка красивая, лицо тонкое, точёное, с мелкими светлыми кудряшками и яркими серёжками в ушках. И вся на эмоциях, едва сдерживается от возбуждения. Или это поток энергии от меня её штырит?

Я открыл дверь.

– Извините, Антон Сергеевич... – начал мужчина.

– Дневной Дозор! – выпалила девушка. Как ни странно, но она, пожалуй, в этой паре главная.

– Добрый вечер, – сказал я. – Заходите, будьте любезны.

Мужчина со вздохом посмотрел на порог. Что он там видел я не знаю, но вероятно, что-то очень устрашающее – для тех, кто входит не имея права и с дурными намерениями.

– По долгу службы... – пробормотал мужчина, входя.

Девушка прямо-таки перепорхнула в прихожую, тут же хлопнула за собой дверь, уставилась на меня – пиетета в её взгляде не было, а вот неприязнь была, да ещё какая!

– Выйти из Сумрака не могу, – сказал я. – Входить разучился. Но могу чаем угостить!

Девушка уставилась на мои руки. Демонстративно принялась оборотень, что ли? Или вампир?

– Кровь, – сказал я и девушка вздрогнула. – Стейк собирался жарить, когда вы позвонили. Стейком угощать не стану, он у меня один. Предложение чая остаётся в силе.

– Я Павел Кротов, Иной, пятый уровень. Это моя напарница, стажёр, Маша Гончаренко, четвёртый уровень.

А, теперь всё понятно. Старший тут Кротов, но Маша хоть и стажёр – сильнее его. Сложная ситуация, особенно для Тёмных.

– Очень приятно, Антон Городецкий, человек, – вежливо сказал я.

– Антон Сергеевич, мы знаем, кто вы, мы уведомили руководство Ночного и Дневного Дозоров... – начал мужчина. Да что происходит?

– Это ваш? – требовательно воскликнула девушка протя-

живая ко мне руку.

В руке был перочинный нож. Хороший швейцарский нож, который мне когда-то подарила Светлана.

– Похож, – сказал я. – Секундочку...

Я даже залез в карман куртки, хотя уже понял, что нож мой. То ли выронил, то ли оставил на скамейке, нарезая сыр.

– Мой, спасибо, – я протянул руку, но нож Маша мне не вернула.

– Почему вы убили Антона Зуева? – спросила девушка.

Я посмотрел на нож. Потом на Павла Кротова. Потом на Машу Гончаренко.

Вздыхнул и сказал:

– Я оборонялся. Он напал на меня и пытался укусить. Я всего лишь человек и вынужден был защищаться.

Маша торжествующе посмотрела на Кротова.

– Вы можете пройти и дождаться прибытия руководства, – сказал я. – Арестовать меня, как вы понимаете, у вас прав нет.

Я двинулся на кухню.

– Куда вы? – воскликнула Маша.

– Стейк жарить! Но вам я его не дам, – откликнулся я. – Если хотите чая, то разуйтесь, у меня только сегодня убирались, грязи нанесёте.

Я подошёл к плите. Постоял, глядя на сковороду с растёкшейся по блестящему металлу тонкой масляной плёнкой.

Включил нагрев. Выждал двадцать секунд и опустил кровавый стейк на сковороду.

Гесер и Завулон сидели рядышком на кровати. Обычно я её не заправляю, но ради такого случая набросил покрывало. Гесер был одет по-домашнему, в растянутых мягких штанах и футболке с надписью «Я огурчик». Завулон был как всегда подтянут, в аккуратном, на заказ сшитом тёмном костюме и серой рубашке со щегольскими цветными отворотами. Гесер выглядел невозмутимым, а вот Завулон озирался с откровенным раздражением и брезгливостью.

Не нравились ему мои хоромы.

Тёмные дозорные стояли у окна. Кротов достал блокнот и делал в нём какие-то пометки, Маша просто хмуро слушала.

– Подошёл ко мне, когда я уходил из магазина, – рассказывал я. – Пиво там спёр... может для храбрости? Ну так для храбрости не пиво пить надо. Слово за слово... я его вспомнил. Оборотень. Когда-то я поймал его, ещё щенком, за нарушением Договора. Пожалел тогда...

– Я знаю, кем был убитый, – процедил Завулон. – Что дальше?

– Он винил меня в смерти девочки Гали, – сказал я. – Помните, Завулон? Вы её за что-то наказали, за какую-то шалость. И придали мне в качестве телохранителя во время миссии в Эдинбурге. Там девочка и погибла. Не по моей вине. Но тёзка мой, похоже, во всём винил меня. Он даже вообразил, что у меня с девочкой был роман, глупость несусвет-

ная, ей всего пятнадцать лет было. В общем – обвинял, накручивал себя, потом сказал, что укусит и стал обращаться.

– Ну так и дал бы укусить, – насмешливо сказал Завулон. – Ты же догадываешься, что бы случилось.

– Мне как-то не хотелось оставаться с порванным горлом. Я ударил оборотня перочинным ножом и побежал к дому. Он не преследовал, видимо понимал, что сработают защитные заклинания.

– Почему на тебе нет защиты? – спросил Гесер. – Я накладывал на тебя...

– И я накладывал, – мрачно сказал Завулон.

– Мыться я люблю, – признался я. – Порой по полчаса стою под душем, думаю. О жизни, о смерти. А текучая вода... сами знаете... день-другой и всё смыло.

– Эта чистоплотность до добра не доводит, – неожиданно резко воскликнул Завулон. – Все болезни от изнеженности, моемся, бережёмся, иммунитет ослабляем. Вот раньше, в старые добрые времена, мылись три раза в жизни – как родился, как женился и как помер.

– Последнее – лет примерно в тридцать-сорок, – любезно добавил я.

Завулон неприязненно посмотрел на меня. Я его расстраиваю. Всем. И тем, что стал когда-то Светлым, и тем, что перестал быть Иным. В меня было столько вложено, а результатов Завулон не добился.

– Глупо смывать защиту, которую ставили лучшие маги

страны, – ворчливо сказал Гесер. Вздохнул: – Почему ты сразу не сообщил о происшествии?

– Так о чём тут сообщать? – я развёл руками. – Что я оборотня перочинным ножичком ткнул? Да в него из дробовика в упор пали – только почешется!

– Откуда ножик? – спросил Завулон.

– Света подарила пару лет назад.

– На нём пять заклинаний висит, – объяснил Гесер. – На развоплощение вампиров, на убийство оборотней, компенсация падения, защита разума и поисковый маячок.

– Шесть, – сказал Завулон.

Они с Гесером уставились друг на друга.

– Пять, – с вызовом сказал Гесер.

– Шесть, – ухмыльнулся Завулон.

Гесер протянул руку, Маша неохотно дала ему пластиковый пакет, в котором лежал злополучный нож.

– А, – сказал Гесер, близоруко прищурившись. – Но это мелочь.

– Но это – заклинание! – торжествующе сказал Завулон.

– Можно спросить какое? – не выдержал я.

– Удержание пружинки ножниц, – сказал Гесер. – Чтобы не отваливалась.

– Она действительно всегда отваливается! – оживился Кротов, глядя на пакет. – Какое интересное решение...

– «Венгер» покупать надо, – мрачно сказал Завулон. – Тогда и заклинания не потребуются.

Он встал, оправил свой короткий пиджачок и сказал:

– Ситуация понятна. Произошёл конфликт между Тёмным Иным шестого уровня, оборотнем Антоном Зуевым и бывшим Светлым Иным, ныне человеком Антоном Городецким. Конфликт произошёл на почве личной неприязни, зачинщиком выступил низший Иной Зуев. Защищаясь Городецкий нанёс удар перочинным ножиком, с нанесёнными на него рунами «Волчьей отравы», что вызвало быструю, хотя и мучительную смерть Зуева. Городецкий действовал в пределах самообороны, Дневной Дозор претензий не имеет.

– Но, шеф... – Маша сделала шаг вперёд. – Оборона с использованием незарегистрированного артефакта, согласно пункту девять параграфа восемь дуэльного уложения...

– Не имеет никакого отношения к данной ситуации, поскольку Городецкий – человек, – холодно сказал Завулон. – Люди, даже предназначенные лотерей в жертву низшим Иным, имеют право на оборону любыми способами. Это древнее и бесспорное правило.

Он ухмыльнулся и, понизив голос, добавил:

– Должны же у них быть хоть какие-то, пусть призрачные, шансы?

– Да, шеф... – Маша опустила голову.

Завулон ещё раз окинул взглядом моё жилище и с неожиданным сочувствием сказал:

– Антон, короткая жизнь ещё не означает, что надо уподобиться свинье и прожить её в хлеву. Я с удовольствием по-

дарю тебе квартиру получше. И тоже с окнами на твой старый дом.

Ну надо же.

Дедушка и впрямь за меня переживает!

Я даже удержался от какой-нибудь язвительной реплики вслед Завулону.

Оба тёмных дозорных покинули мою квартиру вслед за своим шефом. Маша выглядела злой и проигравшей, очень уж ей хотелось доставить мне каких-нибудь неприятностей. А вот Павел Кротов глянул с симпатией и сочувствием, кивнул и даже почти решился руку протянуть на прощание, но потом посмотрел на Гесера и не стал.

Дверь за Тёмными захлопнулась и мы остались наедине с Гесером. Конечно, Тёмные могли бы вернуться через Сумрак, но только не при многослойной магической защите квартиры и не с Великим Иным на моей койке.

– Всё-таки Завулон балбес... – сварливо сказал Гесер.

– Он просто Тёмный и думает как Тёмный, – примирительно сказал я. – Для него история вполне убедительна.

– Завулон умеет думать как Тёмный, как Светлый и как серо-буро-малиновый в крапинку, – Гесер с кряхтением поднялся. – Если ты не против, Антон...

Я с удивлением наблюдал, как он достал из кармана своих мятых штанов курительную трубку.

Нет, меня удивило не то, что Пресветлый вдруг решил закурить. Он иногда баловался табаком. Меня смутило то, что

в кармане места для трубки с длинным чубуком было мало-мало. К тому же она дымилась.

– Немножко против, – сказал я. – Мне тут ещё спать. А я нынче человек и немолодой. Мне здоровье надо беречь.

– Тебя не побеспокоит, – отмахнулся Гесер и неглубоко затынулся из трубки. Дым, действительно, исчезал в воздухе и никакого табачного запаха я не чувствовал. – Так что случилось на самом деле?

– Парень хотел мне помочь, – сказал я. – Предлагал уку-ситься. Чтобы я стал оборотнем. Светлым.

Гесер посасывал трубку, глядя на меня. Потом сказал:

– Вот за что я люблю нашу молодёжь – это за доброту. А за что не люблю – так это за дурость. Ты ему объяснил, что сам Хена пробовал тебя обратить?

Я вспомнил, как огромный смилодон, в просторечии – «саблезубый тигр» подходит ко мне, рычит что-то, на его взгляд успокаивающее, и аккуратно прихватывает зубами плечо...

Как же ему было плохо. Куда хуже чем мне. Хена катался по каменному полу – всё это происходило в старинном особняке в Праге, где Инквизиция производила свои стран-ные эксперименты, ревел, колотил и царапал морду лапами, пытался обратиться обратно в человека – и тут же переки-дывался в зверя, блевал, отчаянно лизал пол, выл. Мне за-лечивала плечо суровая немолодая целительница, явно по-видавшая всякого, но на Хену она поглядывала с истинным

ужасом.

Потом Хена обернулся человеком и ушёл. Ничего не ска-
зав.

Бедолагу Антона, скорее всего, укус бы убил.

– Дальше? – спросил Гесер.

– Я выпил глоток водки. Есть у меня такая привычка...

– Знаю.

– Парень выпил пива. Мы немного поговорили, я объяс-
нил ему, что он мне не поможет и ушёл. Парень остался на
остановке.

– Ты уверен, что уходя не вонзил ему нож в спину?

Я даже отвечать не стал, да Гесер и не ждал ответа. Он рас-
хаживал с трубкой по комнате, став карикатурно похожим на
товарища Сталина. Дымил напрапалую и размышлял.

– Могу догадаться, почему ты ничего не сказал Тёмным, –
решил Гесер. – Хвалю. Навык не теряешь. Но не могу по-
нять, что это вообще было.

– Пытались меня подставить?

– Антон... – Гесер вздохнул. – Даже если ты убьёшь оче-
редную ведьмочку Завулона прямо под старым развратни-
ком, он тебя отмажет. А не отмажет он, так отмажу я. Ты
хоть понимаешь, как мы все тебе благодарны?

Я пожал плечами. Было уже поздно. В окнах дома напро-
тив погас свет. Жена легла спать. А у Нади свет так и не за-
жигался.

– Надежда на дежурстве, – небрежно сказал Гесер. – Тре-

нирую молодёжь, гоняю в ночное патрулирование.

– Даже Надю? – поразился я.

– Сила – это ещё не всё. К силе нужно иметь голову. Так, если тебя не подставляли... то...

– Хотели убить?

– Ну так и убили бы, – просто ответил Гесер. – Ты же у нас гордый. Ты часами стоишь под душем, обливаешься отваром из лимона, дягиля и базилика. На тебе ни одной защитной чары не осталось!

– Это душ-гель такой, – сказал я. – Растительный. Из натуральных трав.

Гесер негодующе посмотрел на меня.

– Французский! – зачем-то добавил я.

– Тебя не хотели убить. Тебя не хотели подставить. Убить хотели мальчика?

– Вряд ли, – сказал я.

– Вряд ли, – согласился Гесер. – Случайная шпана с оборотнем бы не справилась. Иной не стал бы связываться с чужим артефактом... да и вообще приближаться к твоему дому и твоему собеседнику. Ты всё-таки у нас знаменитость, герой и легенда, Антон!

– Загадка, – признал я. – Тоже не могу понять. Честно. И парень славный, вот что обидно.

– Он всё-таки оборотень, – пробормотал Гесер. – Нечего тут сантименты разводить... Тёмного только костёр исправит...

Он постоял, испуская клубы дыма будто паровоз. Спросил:

– Обновить тебе защиту?

– Да не надо, – сказал я. – Всё равно ведь смою... Гесер, у меня есть просьба.

– Говори, – кивнул Гесер.

– Возьми меня на работу.

Пресветлый не удивился. Кивнул:

– Я же давно тебе предлагал. Наш аналитический отдел нуждается в хорошем системщике.

– Гесер, я давно уже не программист, – сказал я. – Из меня системный администратор нынче никакой.

– Тогда... – Гесер нахмурился. Спрятал дымящуюся трубку в карман.

– Я хочу работать в оперативном отделе.

– Прекрасная идея, – сказал Гесер.

– Вот не надо острить, – сказал я. – И отвергать сразу не надо. Ты же сам сказал – Сила это ещё не всё. Нужна и голова. Она у меня есть. Это может звучать нелепо – оперативник без способностей Иного...

– Я не острою, – сказал Гесер. – Я давно уже ждал, когда ты это попросишь.

Осёкшись я посмотрел на Великого Светлого мага. И не нашёл ничего лучшего, чем спросить:

– А почему сам не предложил?

– Ты бы отказался. Ты должен был сам прийти к этой мыс-

ли.

Гесер подошёл к балконной двери, посмотрел на соседний дом. Спросил:

– С дочерью ты работать не захочешь, верно?

– Верно, – подтвердил я.

– Хорошо, найду тебе подходящего напарника. Завтра в восемь утра. И не опаздывай.

Шеф открыл дверь, вышел на балкон и притворил дверь за собой.

Я рванулся следом.

Разумеется Гесера на балконе уже не было. Там стоял только укутанный в полиэтилен велосипед со сдутыми шинами и пакет с пустыми бутылками.

Я пожал плечами и закрыл дверь. Можно подумать, будто я ожидал чего-то другого.

Глава первая

Всё-таки рано или поздно Ночному Дозору придётся переезжать с Сокола. Я понял это, когда подошёл к старому четырёхэтажному зданию и посмотрел на него через дорогу.

Наш офис, простоявший тут больше полувека, смотрелся нынче как гнилой зуб в челюсти голливудской кинозвезды. Конечно, за зданием следили, ремонтировали, старые окна давным-давно заменили на качественные стеклопакеты, двери были современные, вывеска новая (она сообщала, что в здании располагается ЗАО «БлагоСвет»), в сторонке от входа поставили пластиковый навес для курильщиков. Нормальная московская околোগосударственная контора.

Но слишком хорошее место. Не Арбат, конечно, но все старые дома вокруг давным-давно снесли, вместо них стояли высокие офисные здания и ряд аккуратных жилых корпусов с магазинами в нижних этажах. Даже крошечный скверик разбили рядом и натыкали там взрослых деревьев. Наша контора в здании хрущёвских времён так и просилась под выселение, снос и возведение на её месте достойного дорожного жилья.

Конечно шеф может саботировать решения Мосгордумы хоть до бесконечности. В конце концов навесить на здание табличку, что здесь жил кто-нибудь великий, мало ли их в Москве? И внести в список памятников архитектуры. Но это

постоянная возня.

Да и пора, пора обновляться Дозору. Переехать куда-нибудь в Москва-сити. Поближе к Тёмным. И следить друг за другом будет легче, и в ногу со временем пойдём.

Я вздохнул, посмотрел по сторонам и перешёл улицу. Привычку смотреть по сторонам мне пришлось вспоминать, когда я лишился Силы. До этого я, как и любой мало-мальски способный Иной просто чувствовал, можно переходить дорогу или нет.

У двустворчатых дверей, подозрительно чистых несмотря на погоду, я мгновение постоял, собираясь с духом.

Пять лет.

Пять лет я сюда не приходил!

Пять лет, как я обычный человек...

Ну, не совсем обычный, конечно – я живая легенда, спаситель Иных. Можно даже сказать Избранный. Ха-ха.

Я открыл дверь и вошёл в фойе.

А тут всё изменилось! Не просто ремонт был, а полная перепланировка. Просторно. Стоит аппарат для чистки обуви, рядом другой – для автоматического надевания бахил. Приятное освещение, играет тихая, едва слышная классическая музыка. Турникеты для прохода! И стойка администратора, в просторечии «ресепшен», за которой сидят две милые девушки лет двадцати. Незнакомые – ну так на низовых должностях ротация всегда быстрая.

Дальше, за турникетами, были видны чистенькие кожаные

диванчики, три лифтовые двери, лестницы. Народа не было.

– Добрый день! – с улыбкой сказала одна из девушек. Бейдж на её блузке сообщал, что девушку зовут Глафира – ещё одно старое русское имя вынырнуло из небытия.

– Добрый, – улыбнулся я, подходя к стойке.

Девушка продолжала улыбаться, глядя на меня и чуть-чуть опустив веки. Сканировала ауру. Судя по тому, как щурится – у неё примерно пятый-шестой уровень. Скорее шестой, инициирована недавно.

– Чем могу помочь? – спросила Глафира.

– А... – я запнулся. – Собственно говоря... Ну...

– У нас закрытое учреждение, пропускной режим, – пришла на помощь Глафире вторая девушка, с более привычным именем Анна. – Вам назначено?

Девушка была построже, да и уровень у неё явно был пятый. Судя по позе – специализируется как боевой маг, на правой руке подвешен фриз, на левой что-то сонное, вроде «Морфея»... нет, кисть держит в полувыверте, это «Опиум».

Мне стало смешно.

– Пиццу принёс, – сказал я.

– Какую пиццу? – нахмурилась Глафира.

– Четыре сыра, – ответил я. – Для Бориса Игнатьевича.

Девушки переглянулись.

– Я позвоню, – сказала Глафира, протягивая руку к телефону. А вот Анна оказалась сообразительнее.

– И где же пицца? – спросила она.

– Я её под куртку засунул, – сообщил я, похлопав себя по ветровке. – Чтобы не простыла. А то знаете, холодная пицца – она невкусная.

Девушки продолжали ломать комедию. Глафира сняла трубку, Анна поднялась – и я обнаружил, что она очень даже накачанная – это раз, а на поясе у неё висит что-то вроде шокера – это два.

– Выйдите пожалуйста, – сказала Анна холодно.

– Серьёзно? – спросил я. – Такое отношение к...

Я запнулся.

– К кому? – поинтересовалась Анна.

– К честному курьеру, – по инерции сказал я. Замолчал. – Извините. Я Антон. Антон Городецкий.

Девушки уставились на меня – и я с ужасом понял, что моё имя им если и знакомо, то очень смутно.

– Антон!

Через турникет перепрыгнул немолодой полноватый мужчина – и бросился ко мне.

– Семён! – радостно воскликнул я.

– Семён Павлович? – спросила Анна. – Этот человек назвался... – и тут, похоже, до неё наконец-то дошло. – Антон Сергеевич! Извините!

Но бдительность она не потеряла, ещё раз взглядом спросила Семёна, который уже сжимал меня в крепких объятиях.

– Да он это, он! – сообщил Семён. – Антоха Городецкий! Живая легенда, девочки! Вот, смотрите, запоминайте!

– Запоминайте, пока жив, – кисло сказал я.

Глафира выскользнула из-за стойки и подскочила к нам.

Она просто вся сияла.

– Антон Сергеевич! Ой, я так растерялась! А можно с вами селфи?

– Кыш, молодёжь! – гаркнул Семён. – Антон, ну наконец-то решил навестить!

– На почётном Ином Антоне Городецком должна находиться двойная дозорная метка, – всё так же строго сказала Анна. – Семён Павлович, я метку не вижу.

Семён отстранился на расстояние вытянутой руки, укоризненно посмотрел на меня.

– Смыл?

– Смыл, – сказал я. – Противно это как-то, таскать на себе чужую магию.

Семён сокрушённо покачал головой. Толкнул меня в сторону турникета.

– Он это. Антон! Хватит допытываться.

– Анна молодец, – сказал я. – Всё по инструкции делает. Это правильно, Семён...

Я ещё раз посмотрел на строгую стражницу и уточнил:

– На левой руке «Опиум», на правой «фриз»?

– На левой «Опиум» и «Сеть», – ответила Анна. В её глазах появилась искорка интереса. – Но вы же не видите в Су-мраке!

Загадочно улыбнувшись я пошёл за Семёном через от-

крывшийся турникет.

– Давай ко мне? – предложил Семён. – У меня новый кабинет. Буржуйский! Всё сверкает. От секретарши еле отбил-ся!

– Кем тебя назначили?

– Начальник патрульной службы, – с лёгкой гордостью ответил Семён. – Скажу тебе честно, давно было пора реорганизовать работу. Я уже полгода бьюсь... инерция у нас чудовищная, знаешь ли...

Он вызвал лифт.

– Семён, – сказал я. – Я к тебе с удовольствием зайду. Могу даже сказать, что непременно и по делу. Но сейчас мне к шефу.

– А мы на одном этаже, – кивнул Семён.

Двери лифта открылись. Внутри тоже всё было современно – сверкающие зеркальные стены, огромный экран напротив двери – по нему транслировался какой-то фильм. Горделивого вида мужчина в развевающемся плаще взмахом руки скрутил в воздухе сверкающее огненное кольцо, после чего открыл портал и куда-то переместился.

Да, судя по ремонту – переселение в Москва-Сити пока не планируется.

– Молодёжь... – пробормотал Семён, косясь на экран. – Всё бы им комиксы, настоящая работа скучна, видите ли...

– Семён, – сказал я, пока лифт плавно шёл вверх. – Они меня что, не знают?

Семён почесал кончик носа.

– Ну как сказать... Ты как Мерлин, тебя все...

– Семён!

– Конечно, знают! По имени, и что ты сделал. В лицо не знают, – Семён покосился на меня. – Ты на фотографиях мо-
ложе.

– А, – кивнул я. – Ну да. Я как-то не подумал. Ты знаешь, сам этого не замечаешь.

У Гесера тоже был новый кабинет. Войдя я даже испугался – неужели шеф изменил своей привычке собирать в кабинете сотни и тысячи забавных и неожиданных вещей, порой магических, а порой просто чем-то памятных? Слишком уж всё было светло, функционально и современно – на полу мягкое ковровое покрытие, никакого затёртого паркета, стены в ячейках стеклянных стеллажей, за огромным письменным столом – здоровенный экран компьютера, вдоль длинного стола для совещаний, протянувшегося от письменного стола к дверям – ряды лёгких функциональных кресел. Даже полотно «Ночного Дозора», про которое ходили слухи, что оно-то и есть настоящее, только магическим образом уменьшенное, на стене не висело. Зато на стене за столом имелась какая-то узкая и высоченная картина с тёмным холстом, на котором были изображены два человека в средневековых одеждах. Один, с длинными светлыми волосами, другой, полноватый и усатый, в чёрной шляпе, задумчиво смотрел перед собой. Между ними толкался какой-то ребёнок с

широким будто блин лицом – ну, это обычное дело, в средние века не умели рисовать детей.

Странно было то, что человек в шляпе очень сильно походил на Гесера.

Гесер, сидящий за столом, поймал мой взгляд и недовольно поморщился.

– А где Рембрандт? – спросил я.

– Уж много, много лет – в церкви Вестеркерк, в Амстердаме, – с грустью в голосе ответил Гесер.

– Я про картину.

– У меня за спиной.

– Но это... – я вдруг сообразил, что по цвету и стилю узкое полотно выглядит точь-в-точь как «Ночной Дозор». – Это... фрагмент что ли? Правда?

– В своё время я озаботился, чтобы картину обрезали, – пояснил Гесер, оглянувшись. – На память. Да и вообще, по глупости позировал. Опасно оставаться таким же, как на картине сотню лет кряду.

Значит, не показалось.

– Хорошо, что у меня таких проблем нет и не будет, – бодро сказал я. – Надо попозировать кому-нибудь.

Я уселся за стол перед Гесером.

– Рад, что ты не передумал, – сказал Великий. – Смотри...

Он развернул монитор на столе так, чтобы я мог видеть изображение. Это была какая-то программа вывода изображений – я обнаружил сетку из девяти квадратов, где было

восемь картинок ночных улиц. Очень неплохого качества, кстати. Один квадрат оставался серым. Я присмотрелся и обрадованно воскликнул:

– А вот и я!

На одном застывшем кадре и впрямь шёл я. Возвращался домой.

– Вчера вечером, – кивнул Гесер. – К сожалению, сама остановка ни на одну городскую камеру не попала. Что даже странно. Поэтому у нас есть кадр, где ты идёшь от магазина вместе с молодым оборотнем, – он ткнул старинной перьевой ручкой в экран. – Есть кадр, где ты через двенадцать минут уходишь. И есть записи с камер, на которых никто кроме вас не идёт к остановке и не уходит оттуда.

– И что это значит? – спросил я.

– Ничего, – признал Гесер. – Убийца мог передвигаться в Сумраке. Мог наложить на себя невидимость. Мог ждать на остановке, а потом уехать на трамвае, через семь минут подошёл двадцатый номер. Я не сомневаюсь в твоих словах, Антон, я пытаюсь помочь тебе в расследовании.

Я кивнул.

– Самый лучший способ в любом расследовании, – Гесер подпёр подбородок руками, задумчиво глядя на монитор, – он же и самый старый. «Cui podest malum?»

– Кому выгодно зло, – согласился я.

– Но в данном случае это не работает, – продолжил Гесер. – Есть много тех, кто хотел бы твоей смерти. Есть много

тех, кто хотел бы тебя подставить. Есть много тех, кто готов причинить боль Светлане или Надежде, подставив тебя. Есть много тех, кто хотел бы прибить юного оборотня Антона.

– А он-то кому навредил?

– Оборотни, – Гесер брезгливо поморщился. – Они все на эмоциях. Всегда готовы поссориться, подраться, полаять-ся... Так что единственная зацепка, которую я тебе дам – девятая камера. Она должна была самым краешком изображения захватывать остановку, но по какой-то причине не работала. Чем могу. Хотя пустое, даже если бы камера работала – скамейку, на которой нашли тело, она не снимала. Вот распечатка.

Он протянул мне лист бумаги – там был указан номер камеры, точка на карте Москвы, где она стоит и телефоны контролирующих служб.

Я был впечатлён. Обычно Гесер не считает нужным вникать во всякую оперативную мелочёвку. Его дело поставить задание, может быть дать совет или просто мудрое напутствие (самым популярным является «не натвори фигни») и ждать выполнения.

– Спасибо, – сказал я. – Ну так пойду...

– Подожди. Пойдёт он... – Гесер вздохнул, открыл ящик стола и принялся в нём копать. Я в ожидании осматривался.

Кое-что осталось с прежних времён. Вот несколько рядов стеклянных полок с фигурками мышей. Вот золотистый хок-

кейный шлём, только раньше в нём торчали стрелки от дартса, а сейчас их нет и даже следов не осталось. Вот прямоугольный брусочек, сделанный из белого бисера... я вдруг подумал, что он очень напоминает Мел Судьбы.

А кое-что новое, странное и даже неожиданное. Старый плёночный фотоаппарат «ФЭД-2», потёртый и хорошо послуживший. Шахматная фигурка – белый конь. Ну допустим шахматы Гесер очень любит, а к чему тут три карты в общем паспорту – джокер, дама черви и шестёрка черви? Причём шестёрка крест-накрест перечёркнута синим маркером. Вот сувенирная бутылочка грушевого шнапса из синего стекла. Такие любят привозить туристы из Германии, когда спохватываются в последний момент и начинают искать сувениры. Ещё китайская вазочка из белого фарфора, на вид – обычный дешёвый ширпотреб... может она какая-то волшебная? Мне же теперь не понять.

– Держи, – Гесер достал из стола футляр и положил передо мной. На вид это был самый обыкновенный очечник из светлой искусственной кожи. Я открыл футляр – внутри предсказуемо оказались очки. Прозрачные стёкла, тонкие металлические дужки.

Я бережно взял чудесный дар. Честно говоря, я на что-то подобное надеялся...

– У тебя какая дальность? – спросил Гесер. – Плюс один?

– Нет у меня дальности, – возмутился я.

– Надень.

Под пристальным взглядом Гесера я со вздохом нацепил на нос очки. Посмотрел на шефа.

– Ну? – спросил тот.

Видно всё стало и впрямь чётче.

– Значит, есть, – признался я. Посмотрел на полки. Потом на Гесера. Спросил: – Неужели ничего магического в кабинете нет? Никаких артефактов?

– Как это нет? – возмутился шеф. – Полно! Но ты-то не видишь!

– А очки?

– Что очки? Они от дальнорюкости. Сам носил, хорошие очки. Немножко заколдованы, не бьются и не теряются... – Гесер запнулся. Спросил: – Антон, ты решил, что очки помогут тебе видеть сквозь Сумрак?

– Да.

– Такие артефакты мне неизвестны... – тихо ответил шеф. – Вот... могу снабдить защитой...

На стол лёг амулет – серебряный диск с матово-белой, неправильной формы жемчужиной. Диск был на серебряной цепочке.

– Тут всё сразу, – пояснил шеф. – Защита от воздействия на разум, защита от физической атаки, защита от магической атаки, защита от болезней тела и духа, защита от самого себя.

– Это как?

Гесер пожал плечами:

– Не даст совершить откровенно неправильное действие.

– Надолго его хватит?

– Как использовать. Но он очень ёмкий, к тому же подпитывается внешней Силой. А ты пышешь энергией. Так что... – Гесер сделал паузу. – Носи на здоровье.

– Хорошая штука, наверное, – признал я. Снял очки, положил в футляр и спрятал в карман. Надел амулет под рубашку. – Могли бы и при выходе на пенсию подарить.

– Чтобы ты его в духовке сжёг? – ухмыльнулся Гесер. – Нет уж. Каждому подарку своё время... С защитой мы решились, теперь нападение...

Он снова опустил руку в стол и достал маленький короткоствольный револьвер. Потом – коробку патронов.

– Что это? – спросил я.

– Револьвер. Марка «Латина».

– Латиноамериканский?

– Нет, отечественный. На патроны нанесён комплекс заклиний «Квартет» – от нежити, оборотней, Тёмных и...

– Я знаю, – обиделся я. – Это старый комплекс. А почему револьвер такой... простецкий?

– Хороший револьвер, – Гесер помрачнел. – Что тебе не нравится? Он зачарован. Любой сотрудник правоохранительных служб будет видеть игрушечный пистолетик для стрельбы водой. А все остальные сразу поймут, что перед ними оружие.

– Ну... «Латина» какая-то... Я «Берету» люблю.

– Тоже мне, Джеймс Бонд, – пробурчал шеф. – Считай, что у нас импортозамещение. Хороший ствол, не канючь.

И меня вдруг отпустило.

Да что я ною, в конце концов. «Беретту» ему подавай... Пять лет просидел себя жалея и восхищаясь своим героизмом, позорище!

– Пойдёт, – сказал я. – Спасибо, Гесер. Ну так я начинаю?

– Вначале пойдёшь к Семёну. Тебе напарник нужен.

– Семён? – обрадовался я.

– Нет, он мне нужен в офисе. У нас реорганизация патрульной службы, всё кувырком пойдёт без него. Напарник у тебя другой, но он уже в кабинете у Колобова.

Спрашивать, кто напарник было бессмысленно. Не скажет.

Впрочем, я люблю сюрпризы.

– Не Надя? – на всякий случай уточнил я.

– Обещал – значит не Надя. Иди.

Я встал и пошёл к двери. Взглянул за ручку и замер, ожидая. Гесер обожает сказать что-нибудь «в дверях».

– Что стоишь? – спросил шеф.

Я открыл дверь и переступил порог.

– Антон!

Заглянув назад я посмотрел на Гесера.

– Нет у меня никаких артефактов, чтобы ты видел магию, – сокрушённо сказал Гесер. – Но я уже озаботил научный отдел и сделал запрос в Инквизицию. Если что-то такое

существует в природе – оно у тебя будет.

Секретарши в предбаннике перед кабинетом Гесера по-прежнему не было. Меня это не удивило – шеф с утра предпочитал работать «в тишине и покое», без спроса к нему никто и думать не смел заходить.

Я вышел – длинный коридор четвёртого этажа был пуст. Тут кабинеты начальства, несколько конференц-залов. Когда-то и мой кабинет был тут.

Пройдя мимо нескольких закрытых дверей (включая и свою – взгляд невольно скользнул по двери и отпрянул, наткнувшись на табличку «Мемориальный кабинет-музей почётного Иного Антона Городецкого») я открыл дверь «Зам. по ППС». Смысл был понятен, хотя раньше и табличек у нас не было (кроме как на кабинете шефа) и патрульную службу никто патрульно-постовой не обзывал. Ох, бюрократчиваемся мы...

Кого же мне Гесер подсунет в напарники?

Может быть Ольгу попросил?

Ольга хорошая. Она сильная, она ехидная, мы с ней неплохо сработались... двадцать с лишним лет назад. Ужасно какой. Двадцать с лишним лет...

Открыв дверь я вошёл к Семёну. У того к счастью не было ни приёмной с секретаршей, ни стеклянных стеллажей с чудесами и диковинками. Уж не знаю, что он имел в виду под «буржуйским кабинетом» – компьютер, что ли? Или сам факт собственного кабинета?

Там стоял огромный, но простецкий стол, прочный и надёжный как танк Т-34, да и сделанный, похоже, в то время. За столом массивное протёртое кожаное кресло – раньше Семён на кабинетной работе не сидел, так что похоже взял пользованное, а то и из дома любимое притащил. Несколько книжных шкафов, набитых вперемешку и книгами, и папками, и всякой мелочёвкой. Пара стульев, стоящих в таких неожиданных местах, будто они играли в чехарду по кабинету.

Ну и сам Семён – стоял у окна с моим напарником.

– ...головой мне отвечаешь, – как раз произнёс Семён и я понял, о ком шла речь.

– Головы не сносить мне! – сказал я.

Да, удружил Гесер.

Из всех возможных вариантов этот оказался для меня самым неожиданным.

– Привет, Антон, – сказала, улыбаясь, черноволосая и большеглазая молодая женщина, с которой и беседовал Семён. Одета она была простецки и экстравагантно одновременно: чёрные джинсы и короткая тонкая курточка из тёмной кожи, с многочисленными заклёпками и молниями. Можно было подумать, что женщина только что слезла с заднего сиденья мотоцикла, где ехала за спиной грузного бородатого байкера. У неё даже сумочки не было, вместо неё – рюкзачок из чёрной замши.

– Привет, Арина, – обречённо сказал я. – Нет, ты серьёз-

но?

– Твой напарник, – улыбаясь, ответила ведьма.

Я поднял руки и помотал ими в воздухе.

– Нет. Я против. Не уговаривай. Меня Светлана убьёт!

Кстати, тебя тоже.

– То же самое я сказала Гесеру, – согласилась Арина. – Поэтому мне пришлось поговорить с твоей женой и поклясться, что наши отношения не выйдут за рамки рабочих. Хотя мне кажется, что это излишне. Ты видел меня такой, какая я есть. Ну какие у нас могут быть романтические отношения?

– Хорошо, – согласился я. – Второй довод против. Работать с главой Конклава Ведьм – это всё равно, что ездить по городу с сиреной и мигалкой. Все на уши встанут, и Светлые, и Тёмные. И мне кажется, что это нарушение Договора, согласно Лионскому уложению от тысяча восемьсот девяносто третьего года...

– Всё в порядке, – Арина улыбнулась. – Я официально сложила полномочия главы Конклава. Среди ведьм есть Светлые, но их немного, и я на этом посту была неуместна. А как обычная Светлая...

– Обычная, – хмыкнул я. – Официально – да. Но все знают, кто ты...

– Кто я? – Арина провела рукой перед лицом.

Кажется я первый раз, будучи человеком, увидел как действует «паранджа». Лицо Арины менялось, словно её рука была кистью, перерисовывающей черты. Волосы стали свет-

лыми, глаза изменили разрез и цвет – ушли в зелень, нос стал меньше, уши чуть оттопырились, подбородок немножко уменьшился. Всё по чуть-чуть, кроме цвета, но эффект получился разительный.

Я бы её уже не узнал. Красивая девушка, похоже – наивная восторженная простушка, едва-едва ставшая Иной.

– На какой уровень ты теперь выглядишь? – спросил я.

– Шестой, – голос тоже поменялся, стал звонче, моложе.

– Лучше на пятый, – сказал я. – Никто не поверит, что Гесер придал мне в напарники седьмой или шестой уровень. Сразу заподозрят маскировку.

– Думаешь так не заподозрят? – улыбнулся Семён.

– А ты её пробиваешь? – вопросом ответил я.

Семён покачал головой.

– Гесер и Завулон пробьют, – сказала Арина. И кокетливо добавила: – Возможно.

– Ещё возражения есть? – спросил Семён.

Возражений у меня не было. Я понимал, что Гесер не возьмёт меня в Дозор без надёжного прикрытия. И несмотря на целый ряд доводов «против», количество доводов «за» было больше.

Арина умная. Арина сильная. Арина хитрая. Арина ко мне относится... хорошо относится.

– Тебе не будет мешать моё состояние? – спросил я. – Я о том, что из меня Сила прёт.

– В мои годы, Антон, начинаешь любить тёплые одеяла,

мягкие кресла и горячих мужчин, – Арина улыбнулась. – Не переживай. Я же ведьма. Я работаю с силой опосредованно. Специально надела пустые амулеты, они сейчас заряжаются.

Она продемонстрировала пальцы, украшенные набором колец и перстней.

– На курточке тоже не просто заклёпки? – спросил я.

Арина улыбнулась:

– Ты только подумай, Антон! В нынешнем состоянии для тебя подруга-ведьма – лучший выбор. Нас этот поток энергии не терзает.

Я промолчал. Я просто стоял и смотрел на Арину.

– Извини, – сказала она упавшим голосом. – Извини, я дура. Не подумала, как это...

– Извинения приняты, – сказал я. – Теперь ещё одно, но главное условие...

– Ты главный, – просто ответила Арина. – Всё понимаю. Ты говоришь, я делаю. Если, конечно, ситуация не потребует немедленной реакции.

– Разумно, – согласился я.

Семён недоверчиво посмотрел на меня, потом на Арину. Спросил:

– И всё? Так просто? Я ожидал долгих споров, если честно.

– В моём положении привередничать не приходится, – ухмыльнулся я.

– Давайте хоть чайком вас угощу! – предложил Семён. –

Чай у меня замечательный, высокогорный...

– Зелёный? – с подозрением уточнила Арина.

Семён вздохнул:

– Хорошо. Заварю чёрный. Китайский, очень неплохой. Китайцы тоже чёрный чай уважают, хоть зелёный чаще пьют... Тебе с сахаром вприкуску?

– Я так привыкла, – мило улыбнулась Арина.

Семён разгрёб на столе свободное пространство, подтащил два стула, из шкафа достал фарфоровую банку с заваркой. На подоконнике у него стоял термопот с кипятком, который он, вздохнув, переключил на повышенную температуру. Из шкафа появился и заварочный чайник, и упаковка рафинада, и коробка шоколадных конфет, и нарезанный лимон на блюде – явно законсервированный каким-то заклинанием. Потом Семён многозначительно поднял палец и глубоко вдохнул.

– Ух ты, – сказала Арина. – Весна?

– Нет, осень, – покачал головой Семён. – Лучшее время и место пить чай – осенью, в дождь, на веранде подмосковной усадьбы...

Воздух в кабинете и впрямь изменился. Стал чистым и влажным, прохладным и пахнущим зеленью. Но самое главное – чистым. Я вдохнул полной грудью и подумал, что таким воздухом можно лечить болезни или умиротворять буйных хулиганов. Спросил:

– Какой год?

– Двенадцатый. Хороший был год.

– Год как год, – не понял я.

– Тысяча девятьсот двенадцатый, – уточнил Семён.

Он любил собирать «погоду». Заклинание для этого использовалось какое-то очень редкое и Семён им делиться не любил. Как всё это действовало – хранился ли где-то в Сумраке тот самый воздух в законсервированном виде, или обычный воздух изменялся – я не знаю. Но это действительно было потрясающе.

Маленькие радости жизни Иного.

Недоступные мне радости.

– Хорошее, наверное, – сказал я. – Царь-батюшка, хрустящая французская булка, аэропланы и беспроволочный телеграф...

– Люба была ещё жива, – вздохнул Семён. – Мы с ней дачу снимали. В Перловке. Дорогущее было место, престижнейшее! Бывало спросит знакомый – «где лето проводить изволите?» Отвечаешь – «в Перловке». И сразу уважение в глазах. Круче, разве что, в Бутово было, но я Перловку любил. Василь Семёныч понастроил таких дач – за год бронировать приходилось! Хорошо я с сыном его, Иван Васильичем дружен был. И чай у них брал, прекрасным чаем они торговали...

Он помолчал. Подошёл к термопоту, начал заваривать чай. Суховато сказал:

– Всё ушло, все ушли. Любушка моя ушла. Перловых раз-

метало-раскидало, дачи их сгнули. Ты не о себе жалеи, Антон. Я знаю, о чём ты думаешь, на нас глядя. О том, что мы живём и живём, а твой век теперь отмерен. Только ты подумай о том, как жить, когда любимый человек ушёл. Что Светлане предстоит...

Стало как-то очень тихо. Семён закрыл чайник крышкой, вернулся к столу.

– Время лечит, Семён, – ответил я. – Она погорюет и будет вспоминать меня со светлой грустью. И Надя тоже. С гордостью и печалью. Но честное слово, это всё равно как-то плохо утешает!

Семён отвёл глаза.

Я сел за стол, взял кусок рафинада, забросил в рот.

Сладко.

– Лучше коньяка налей, чем мозги мне править, – сказал я. – Обсудим ситуацию. Пока я ещё живой, злой и даже временами умный.

Семён посмотрел на часы, потом, с укоризной, на меня. Однако снова прошёл к шкафу и принёс бутылочку коньяка. На тридцать грамм. Такие закупают в дюйти-фри авиапассажиры, побаивающиеся летать, чтобы незаметно выпить на взлёте две-три штуки.

Я взглядом спросил Семёна, потом Арину и глотнул прямо из горлышка.

– Хоть бы чай вначале попробовал, – с обидой сказал Семён. – Ладно, рассказывай.

– Неужели Гесер не ввёл в курс дела?

– Ввёл. Ты объясни, зачем стал брать вину на себя? Ты же не убивал этого парня?

Я покачал головой.

– Да зачем вину взял – понятно, – махнула рукой Арина. – Антон парень умный, не по годам тёртый. Понял, что это какая-то провокация. Самое ожидаемое действие с его стороны – начать оправдываться. Значит, враг, кем бы он ни был, рассчитывает именно на оправдание, на возмущение и протесты. Антон эту схему мгновенно поломал. «Да, ударил ножом в порядке самообороны, умысла на убийство не имел». Даже в обычном суде могло бы прокатить.

Вот всё-таки ведьма – она всегда ведьма. Завулон так даже не заподозрил самоговора. Гесер, по-моему, тоже причин моего заявления не понял, единственное, что ни на секунду не поверил, будто это я убил своего тёзку.

– Как по мне, так всё происходящее – нелепица, – сказал Семён. – Ты нынче не в игре, Антон. Уж извини за откровенность, но с доски тебя сняли.

– Я сам себя снял, – поправил я.

– Да как угодно. Даже у твоих врагов, а они есть, никакой необходимости тебя убивать, подставлять, преследовать не имеется. Ты стал человеком. Ты и без того несчастлив. Это нужно иметь какую-то маниакальную упёртость, звериную ненависть, чтобы тебя нынче преследовать!

– Но ведь и такие враги могут быть, – заметила Арина,

прихлёбывая чай.

– Могут, но... – Семён покачал головой. – Я вот поразмыслил, но никого не смог представить. У оборотня тоже есть враги, но убивать его вот так, перочинным ножиком...

– Ножик – самое странное, – сказала Арина. – Кто-то шёл убивать оборотня... и увидев простецкий перочинный нож решил ударить им? Да такая игрушка только разозлила бы оборотня! А увидеть на ножике чары Светланы – это надо быть Высшим Иным! Но зачем Высшему Иному убивать рядового оборотня, к тому же таким затейливым способом? Ничего не сходится, Антон. Я, даже, знаешь, что думаю?

– Ну? – я тоже взялся за чай.

– Случайность. Какой-нибудь бомж или пьяный хулиган. Подошёл, слово за слово. К примеру: «А угости водочкой?» Тёзка твой послал доставучего типа, а тот по дури схватил ножик со скамейке – и бац! А на ножике руны висят, «Волчья отравка».

– Кстати, очень возможно! – оживился Семён. – В восемнадцатом дело было... в одна тысяча девятьсот, – глянув на меня, уточнил он. – Зарезали прямо в московской квартире старичка-путешественника. Дело-то обычное в те годы, да только старичок был Тёмным Иным пятого уровня! И убили его магическим оружием странной природы, вроде как проткнули длинным кинжалом, вытянувшим мгновенно всю Силу. Дневной Дозор нам претензии выдвигает, мы отбиваемся. Ищем все вместе. И что выясняется? Мелкие воры-до-

мушники, братья Ивась и Тарас Тягнырядно, решили почистить старичку квартиру. Старичок неожиданно вернулся, двух провинциальных балбесов, ясное дело, не испугался, а что-то обидное и насмешливое им сказал. Тут один из братьев хватанул со стены африканское копьё и пырнул им старичка. Копьё, как позже выяснилось, было зачаровано шаманом для уничтожения Тёмных Иных. Причём шаман, мы лет через двадцать даже нашли его, был второго уровня Силы! Чары его старичок даже не увидел и не знал про них, копьё хранил, балбес, как обычный африканский сувенир. И балбесы эти ничего необычного не заподозрили. Проткнули деда – тот и помер. А что этого деда можно было полчаса кавалерийской шашкой рубить и ничего бы с ним не стало – они попросту не знали. Вот!

– Угу, – сказал я скептически. – Очень схожая история.

– Антон, мы с тобой всё проверим, – сказала Арина. – Ты просто раньше времени теорий не строй. Может и заговор, может и случайность. Сейчас мы с тобой чай допьём, прокатимся. Поглядим на место происшествия.

– Если там полицаев уже нет.

– Их там и не было, – пробормотал Семён. – Зачем нам вмешивать в это людей? Как обнаружили тело, так перевезли его в Люберцы, возле станции в тёмном переулке уложили... Ну как чай, Антон?

– Хороший чай, – признал я. – Спасибо.

На обратном пути Анна и Глафира увидев меня расплы-

лись в улыбках. Анна торопливо включила турникет на проход, Глафира искренне пожелала удачи.

На Арину, выглядящую теперь как обычная молодая Иная, они едва взглянули. А между прочим, это большое упущение – она им незнакома, входила, как я понимаю, тоже в другом обличье. В организациях подобных Дозору на выход надо работать едва ли ни строже, чем на вход.

Я решил, что обязательно скажу про это Семёну.

На улице тем временем потеплело. Осень решила напярчаться и порадовать москвичей ещё несколькими тёплыми днями. И небо было чистым, голубым, и солнышко вполне тёплым. Я расстегнул ветровку, посмотрел на Арину. В новом облике она смотрелась симпатично, но уж очень молодо. Я рядом с ней выглядел старым ловеласом, закадрившим малолетку.

– Может тебе постарше немного стать? – спросил я. – Мне за полтинник, а тебе от силы двадцать.

– Ты же знаешь, сколько мне на самом деле, – усмехнулась Арина. – А ты на полтинник не выглядишь, тебе и сорока не дать. Ты не забывай, что всё время, пока был Иным, не старился.

– Всё равно. На папу с дочкой мы не похожи, на коллег по работе тоже. Все решат, что старый хрыч подцепил юную девушку.

Арина достала из рюкзака зеркало. Придирчиво и демонстративно осмотрела себя. Сказала:

– Норм. Я однозначно совершеннолетняя, так что закону до нас дела нет. А что до мнения встречающих – пусть завидуют тебе лютой завистью.

Я сдался. И впрямь – пусть завидуют.

– Вызову такси? – спросил я. – Или ты на машине?

– Я на колёсах, – кивнула Арина. – Идём.

Мы прошли по улице метров двадцать, когда я заметил припаркованный у обочины мотоцикл. Не «Харлей-Дэвидсон», но что-то здоровенное, мощное, японское, чёрное.

– Вот только не это... – пробормотал я.

– Ты не водил байк? – снимая с багажника шлем, спросила Арина.

– Водил. Когда был Иным. Я и самолёт однажды водил, и тепловоз. И мог освоить любой навык за секунды.

– А я так мечтала прокатиться у тебя за спиной, крепко обхватив тебя руками и прижавшись щекой к плечу... – ухмыльнулась Арина. – Ладно, поедешь ты за спиной.

Наверное, можно было отказаться. Вдруг кататься за спиной девушки, по меркам суровых байкеров, вообще неприлично? Но я жестом предложил Арине садиться на мотоцикл. И сказал:

– Поехали на остановку, где убили оборотня. Надо кое-что осмотреть.